

УДК 327

«РАЗВОРОТ НАД АТЛАНТИКОЙ» – ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США

© 2012 г. **В.А. Кременюк***

Институт США и Канады РАН, Москва

В статье рассматривается важный эпизод в развитии российско-американских отношений после окончания «холодной войны». В ночь с 23 на 24 марта 1999 г. председатель правительства России Е.М. Примаков, направлявшийся в качестве главы делегации в США, принял решение развернуть самолёт и вернуться в Москву в качестве ответа на приказ президента США Клинтона нанести в ту же ночь воздушный удар по Югославии. В статье рассматривается подоплёка данной ситуации в отношениях между Москвой и Вашингтоном и значение поступка Е.М. Примакова для всего комплекса этих отношений.

Ключевые слова: *российско-американские отношения, роль лидеров, обязательства великих держав, приемлемость и не приемлемость, кодекс поведения.*

Когда в течение длительного времени изучаешь российско-американские отношения, рано или поздно приходишь к пониманию их некоторых особых закономерностей. Вообще отношения между разными странами мира строятся на определённых началах. От этого зависят их тип и характер, динамика, текущее состояние и перспективы. Важно точно определить эти начала и выявить, каким образом они воздействуют на формирование взаимных связей. Как правило, в таких случаях обращают на себя внимание, прежде всего, экономические связи, поскольку они формируются годами и десятилетиями, сказываются на объёме и характере отношений между странами, служат базой для их политической «надстройки». Или, к примеру, культурно-идеологические связи между странами, типа «англосаксонская общность», «западные ценности», «арабская солидарность», которые также формируют устойчивые отношения и определяют их характер на большой исторический срок. Большое значение имеют территориальные споры, исторические фобии и др.

С этой точки зрения и советско-американские отношения и отношения между Россией и США строились несколько по-особенному. Разумеется, в них также имелись какие-то сквозные определяющие устойчивые процессы, от которых зависели характер и тип связей. Например, стратегический баланс

* КРЕМЕНЮК Виктор Александрович – член-корреспондент РАН, профессор, заместитель директора ИСКРАН. E-mail: vkremenyuk@gmail.com

между США и СССР (а также Россией), который формировал не только антагонистический характер отношений (потенциалы были развёрнуты друг против друга), но и определённую взаимозависимость двух сверхдержав, «баланс страха» между ними, ставший доминантой в их отношениях в период «холодной войны». Или же, с другой стороны, военный баланс между ними поощрял чувства совместной ответственности обеих сверхдержав за состояние международного мира и безопасности, что также сильно сказывалось на их взаимодействии. Но всё же спецификой российско-американских отношений всегда оставалось то, что они не развивались спонтанно, в автоматическом режиме, независимо от политической конъюнктуры. Они постоянно нуждались в воздействии активного волевого начала со стороны своих руководителей, что придавало смысл, направление и динамику развитию этих отношений.

Так, если просмотреть содержание советско-американских отношений 1947–1989 гг. (т.е. в период «холодной войны»), то в них наглядно проявилось воздействие их руководителей как при зарождении конфронтации («пункт четвёртый» программы помощи Греции и Турции президента Г. Трумэна в марте 1947 г. и последовавший за ним в 1948 г. «берлинский кризис» в качестве ответа Москвы), так и в течение всех последовавших 42-х лет: женевские встречи лидеров обеих стран 1953–1954 гг., визит Н.С. Хрущёва в США в 1958 г., «карибский кризис» 1962 г., встреча А.Н. Косыгина с президентом Л. Джонсоном в Гласборо в 1967 г., визиты президента Р. Никсона в Москву в 1972 г. и 1974 г., венская встреча Л.И. Брежнева и Дж. Картера в 1977 г., встречи М.С. Горбачёва с президентом Р. Рейганом в Женеве в 1985 г. и в Рейкьявике в 1986 г. и т.д. Это были не просто светские мероприятия, а определённые вехи или критические моменты в развитии отношений.

На каждом из этих этапов, с одной стороны, лидеры суммировали происшедшие в отношениях перемены и пытались как-то согласовать их с реальными целями и интересами сторон (а не с пропагандистскими лозунгами), с другой – предложить новый алгоритм, который создавал какую-то более уточнённую перспективу. Вот так и развивались скачкообразно, от события к событию, отношения между двумя великими державами. К счастью, в большинстве случаев они содействовали более ответственному поведению обеих сторон в разделявших их противоречиях и лучшему пониманию их интересов и реальной роли в судьбах современного мира. В какой-то момент и политикам, и экспертам начало казаться, что это – единственно возможный и желательный сценарий.

Но оказалось, что это не так. Отношения между Россией и США, от которых ожидали многого страны мира на этапе выхода из «холодной войны», получились очень неровными, неустойчивыми, противоречивыми. В них, безусловно, сохранился большой запас сотрудничества и взаимного интереса, оформившийся в годы «нового политического мышления» М.С. Горбачёва в 1985–1991 гг. и поэтому они не грозят войной. Но, с другой стороны, произошло быстрое накопление недоразумений, взаимного раздражения, недоверия и временами даже враждебности. Столь сложная картина этих отношений возникла не потому что лидеры обеих сторон «не понимали» друг друга, «не оце-

нили» по достоинству позиции друг друга или каким-то иным способом «не использовали» открывшиеся возможности.

Эти отношения не могли не получиться такими, какими они получились, в силу разных причин. Одной из них можно считать то, что, наряду со сложившейся ещё в годы «холодной войны» тенденцией обеих держав сохранять равновесие между своими потенциалами, совместно ограничивать и предотвращать риски случайной или непреднамеренной войны, контролировать международные конфликты и кризисы, им не удалось разработать и внедрить в обиход новую повестку дня, основанную на совместном решении острых и масштабных международных проблем в интересах своих стран и глобального общества. И то, что в этой сфере образовалась пустота неиспользованных возможностей, является достаточно типичным для современного состояния российско-американских отношений. В годы «холодной войны» такого не бывало.

Определённой точкой отсчёта этого сценария в отношениях между Россией и США можно считать знаменитый «разворот над Атлантикой» российского премьера Е.М. Примакова в марте 1999 года.

Роль югославского кризиса

23 марта 1999 г. из Москвы в Вашингтон вылетел самолёт с правительственной делегацией на борту [3]. Председатель правительства России Е.М. Примаков направлялся в США на заседание российско-американской комиссии по сотрудничеству, возглавляемой с американской стороны вице-президентом А. Гором, а с российской – последовательно премьерами В. Черномырдиным, С. Кириенко и Е. Примаковым. Российская делегация основательно готовилась к этой встрече. Надо было решить ряд проблем из сферы «новой» повестки дня: экономические и научно-технические взаимосвязи, открытие рынков друг друга для инвестиций и товаров, условия взаимной выгоды и обменов, состояние некоторых мировых рынков (энергетики, вооружений, транспорта, космических исследований и т.п.). «Старая» повестка дня – военно-стратегический баланс, контроль над вооружениями, нераспространение ядерного оружия, Европа, Ближний Восток – всё это оставалось прерогативой президентов, а возглавляемая вторыми лицами государств комиссия по сотрудничеству должна была решать вопросы новых взаимоотношений и новых правил поведения.

Однако время проведения этой встречи было омрачено очередным обострением кризиса на Балканах, вызванным настойчивым желанием США и НАТО нанести удар по Югославии в качестве средства «принуждения» югославского лидера С. Милошевича к миру в Косово. Незадолго до этого Милошевич объявил о намерении направить в Косово – Метохию войска для подавления вооружённых выступлений косовских албанцев, сопровождавшихся этническими столкновениями между сербами и албанцами. С его точки зрения, в Косово происходил самый настоящий вооружённый мятеж, грозивший Югославии дальнейшим распадом (к тому времени Югославия уже потеряла Словению, Хорватию, Боснию и Македонию и состояла только из Сербии и Черногории) и выходом из состава Сербии одной из самых древних и важных с исторической точки зрения территорий – Косово и Метохии, населённой по пре-

имуществу албанцами, бежавшими от режима Энвера Ходжи в Албании в 1960 и 1970-х годах. В своё время югославское правительство в пике Энверу Ходже радушно принимало беженцев из Албании пока они не стали этническим большинством в Косово. У Слободана Милошевича был свой подход к выступлениям такого рода и далеко не всегда он был основан на уважении прав человека и демократических свобод. Как президент Югославии, он считал себя обязанным по конституции и народному мандату предпринять все меры, в том числе и военные, для сохранения единства страны, невзирая на возможные при этом потери, как среди военных, так и среди гражданских.

С начала 1990-х годов это привело к серии жестоких войн Белграда против Словении и Хорватии, к вмешательству в межэтническую войну в Боснии, хотя сил югославской армии для победы явно не хватало. Недостаток военных сил компенсировался жестокостью и бесконтрольностью действий разного рода полувоенных формирований, состоящих как из сербов, так и из хорватов и боснийцев. Белград был вынужден признать независимость Словении (которая сумела отбиться от югославской армии, что поторопились признать ряд стран, включая Россию); с трудом примирился с независимостью Хорватии (в которой правительство обрушилось на анклав Сербская Краина, помогать которому стремились все сербы), пойти на признание независимости Боснии после вмешательства США, организовавших в 1994–1995 гг. конференцию в Дейтоне (штат Огайо) и взявших на себя обязательство предотвратить резню Республики Сербской в Боснии.

Всё это, конечно же, вело к дезинтеграции Балкан, росту межэтнических столкновений, усилению наркотрафика в Европу через албанский анклав в Косово. В меру сил и возможностей США и другие страны НАТО, а также Россия, влияние которой в бывших сербских районах Югославии было всё ещё сильным, пытались координировать свои действия по предотвращению расползания югославского кризиса. В частности, в Москве признавали важность дейтонского урегулирования для завершения военной фазы конфликта и Боснии и считали, что Россия и США могли сыграть здесь весьма позитивную роль [2].

Но при обострении ситуации в Косово в 1998–1999 гг. позиция Вашингтона существенно изменилась. В ней всё больше звучали воинственные ноты угроз и принуждения. Возможно, это было связано со сменой внешнеполитической команды президента У. Клинтона, который после победы на выборах 1996 г. отправил в отставку опытного и осторожного У. Кристофера и назначил госсекретарем США стремительную и не всегда предсказуемую М. Олбрайт (в течение первой администрации она представляла США в Совете Безопасности ООН). В свою очередь М. Олбрайт привлекла к активной деятельности ряд исполнителей, типа Р. Холбрука, который и стал по существу определять политику США на Балканах. Он существенно изменил стиль поведения США, перестал координировать свои действия с Москвой (да и с некоторыми союзниками США), энергично повёл дела к военному конфликту.

«Петля Примакова»

В любом внешнеполитическом истеблишменте и в политических кругах в более широком смысле всегда имеются группировки под условными наименованиями «партия мира» («голуби») и «партия войны» («ястребы»). Первая выступает за поиски ненасильственных мирных решений спорных проблем, вторая, наоборот, нацелена на поиск оправданий военных акций, особенно если у страны нет серьёзных военных противников, если нет угрозы нанесения ответного удара по её территории или ее войскам. И значительной части широкой общественности нравятся именно такие, воинственные решения, поскольку они дают повод испытать чувства гордости за «своих» и превосходства над «другими». И во многом решающую роль в такого рода раскладе играет верховная власть, президент, который может прислушаться к одним или другим и принять соответствующее решение.

В кризисе вокруг Косово президент У. Клинтон больше прислушивался к «ястребам», к сторонникам военного решения. К этому времени стало частью политического процесса в Европе решение 1995 г. о расширении НАТО, были приняты в состав блока три новичка – Польша, Чехия и Венгрия. Определялся состав следующей волны приёма. В России в 1998 г. состоялся дефолт, на многие годы отбросивший назад экономику страны и перспективы её роста. Вся ситуация в мире выглядела как безусловный триумф США, нуждавшийся в блестящем завершении в виде краткосрочной победоносной войны, без каких-либо потерь демонстрирующей военно-техническое превосходство Америки в сфере обычных вооружений. Короче говоря, соображений в пользу применения силы в Югославии тогда оказалось значительно больше, чем против, и президент Клинтон благословил своих «ястребов».

Правда, оставалась небольшая «загвоздка» в виде позиции Москвы и Пекина. Соединённым Штатам очень хотелось, чтобы их военная акция в Югославии получила одобрение Совета Безопасности ООН. Акция по «принуждению к миру» звучала как часть ооновского мандата и была выдержана не в тонах агрессивного нападения на суверенное государство, а как «защита» несчастного угнетённого албанского меньшинства от сербского «шовинизма». Но ни Россия, ни Китай (из числа постоянных членов Совета Безопасности) на это не повелись. Оба недвусмысленно дали понять, что не поддержат акцию Вашингтона. Москва прямо заявила о том, что применит «вето», если резолюция в поддержку военной акции НАТО будет предложена на обсуждение Совета Безопасности.

Клинтона это не смутило. Он решил действовать, не обращая внимания на ООН. Фактически перед ним была чётко определена альтернатива: развязать войну, нанеся удар не только по Югославии, но и по престижу ООН, рискуя добрыми отношениями с Россией и Китаем, или же воздержаться и поискать иной путь. Он предпочёл первый вариант. В Москве это знали. И поэтому, собираясь на встречу с А. Гором по делам комиссии по сотрудничеству, российский премьер рассчитывал, что у американских руководителей хватит ума не ставить его в сложное положение, начав военную акцию против Югославии именно тогда, когда он будет наносить визит в США. Но оказалось, что он пе-

реоценил дипломатичность американцев. Удар был запланирован именно тогда, когда самолёт российского премьера летел в Вашингтон (с посадкой в аэропорту Шэннон в Ирландии для дозаправки).

Ещё накануне визита, 22 марта 1999 г., помощник вице-президента США Л. Ферт передал для сведения Е.М. Примакова, что американская сторона считает его предстоящий визит «очень важным» для обеих сторон. Отдавая отчёт в том, что ситуация вокруг Косово менялась исключительно быстро (а деятельность Р. Холбрука в качестве представителя США никак не вела к снятию противоречий между Вашингтоном и Белградом), администрация США всё же настаивала на необходимости визита Е.М. Примакова в США. В ответ глава правительства России согласился с оценкой важности этой встречи, но честно предупредил, что если США всё же пойдут на военную акцию против Югославии во время его поездки, ему не останется ничего иного, как её прервать.

После того, как самолёт премьера совершил дозаправку в Шэнноне и поднялся в воздух, ему позвонил российский посол в Вашингтоне Ю.В. Ушаков и сообщил о своём разговоре с заместителем госсекретаря США С. Тэлботтом, из которого следовало, что в Белграде наметился срыв переговоров Р. Холбрука с С. Милошевичем и что Соединённые Штаты намерены применить силу против Югославии той же ночью. Е.М. Примаков соединился по телефону с А. Гором и потребовал разъяснений. Ему сказали, что возможность удара по Югославии «нарастает». Российский премьер предупредил своего собеседника, что с учётом важности предстоящей встречи и всего комплекса российско-американских отношений он продолжит полёт, но просит немедленно поставить его в известность, если начнётся военная акция. Этот разговор состоялся в 15.00 по московскому времени, а в 21.00 ему позвонил на борт самолёта А. Гор и сообщил, что решение о начале военной акции принято. Он предложил «не драматизировать» ситуацию, дожидаться когда «спадёт эмоциональный накал», перенести сроки встречи, но Е.М. Примаков был твёрд: «Я не могу начинать визит в США и не могу делать посадку на американской территории». «Вы делаете огромную ошибку», – закончил он разговор с американским вице-президентом. Самолёт развернулся над Атлантикой и взял курс на Москву.

За рамками ситуации

Поступок российского премьера занял уникальное место в истории международных отношений и, в том числе в российско-американских связях. Можно по-разному оценивать его значение и мотивацию. Нашлись аналитики и в России, и за рубежом, которые видели в этом решении в основном вспышку эмоций и даже простое желание «оставить след в истории». По-разному смотрели на него в непосредственном окружении президента России Б.Н. Ельцина и в кругах либерально настроенной интеллигенции. Безусловно, были и те, кто сразу решительно и безоговорочно поддержал Е.М. Примакова и считал, что российский премьер нашёл единственно правильное и обоснованное решение, которое позволило продемонстрировать действительное, а не показное осуж-

дение политики США, независимость позиции России и её готовность следовать принципам разума и доброй воли, а не дурно управляемым эмоциям американцев, основанным на упоении силой.

Но истинную оценку этого решения и его масштабности можно дать только при взгляде на него с вершины той ситуации, которая тогда сложилась в международных отношениях в целом и политике России в отношении США. Безусловно, в этом решении был эмоциональный контекст, обусловленный элементарным человеческим негодованием по поводу безответственного и даже разнузданного поведения американской державы, которая первой должна была подать другим странам пример уважения международного права, принципов ООН, обязательств великих держав содействовать мирному политическому урегулированию споров и конфликтов. Ведь ни для кого не было секретом, что военная акция на Балканах, даже если бы она привела к разгрому режима С. Милошевича (а так оно и произошло), вряд ли могла решить подлинные исторические проблемы региона. Может быть, на какой-то период ситуация там и была бы заморожена, но если рассматривать регион в целом, его споры и конфликты, его специфику и больные места, его непростую историю и роль в развязывании двух европейских и мировых войн 1914–1918 гг. и 1939–1945 гг., то такое нападение могло в перспективе только осложнить действия тех ответственных сил (а они имеются и в Европе и в России), которые готовы всерьёз и надолго заняться урегулированием балканского кризиса. Военная акция США только разрушила эту перспективу, не привнеся в ситуацию элементов порядка и предсказуемости. Балканская ситуация осталась больной точкой Европы.

Но, помимо негативных последствий военной акции США для европейской политики, в ней имеется не менее важный аспект, касающийся российско-американских отношений. И здесь значение всего эпизода обрело эпохальные черты. Чтобы лучше понять, о чём идёт речь, надо вернуться к началу 1990-х годов и рассмотреть процесс складывания отношений между Россией и США после завершения «холодной войны» и распада Советского Союза. Тогда будет лучше видно, что же на самом деле произошло и насколько важное значение имели события ночи с 23 на 24 марта 1999 г. для глобальной политики в целом и российско-американских связей в частности.

На завершающем этапе выхода СССР и США из «холодной войны» определилась ясная и приемлемая для двух стран перспектива. О ней в частности говорил президент США Дж. Буш-ст. во время встречи с М.С. Горбачёвым на о. Мальта в декабре 1989 г. Тогда он произнёс известную речь о новом мировом порядке, в которой определил роль обеих сверхдержав не только в ликвидации системы глобальной напряжённости как между нами, так и в Европе, на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он говорил о наступлении эры совместных решений наиболее острых и актуальных глобальных и региональных проблем, об ответственности Советского Союза и Соединённых Штатов в обеспечении мира и безопасности, в демонтаже и урегулировании конфликтных ситуаций, решении проблем развития, преодоления бедности и отсталости. Это была прекрасная, хотя может быть и излишне взволнованная речь, целиком поддержанная советской стороной [5].

Так выглядела перспектива выхода из «холодной войны» и контуры того, что должно было наступить вслед за ней. Но в расчёты политиков вмешались реальные события, в частности события в СССР. Трещала измученная дурным управлением экономика, рвались связи между республиками, наступил острый кризис социализма в СССР и странах Восточной Европы. Американцы по своему реагировали на это. Некоторые из них радовались и с нетерпением ожидали развала СССР. Другие, более трезвые и ответственные деятели переживали и по возможности старались помочь М.С. Горбачёву. В памяти осталось известное высказывание в Киеве президента США Дж. Буша во время его визита в СССР летом 1991 г., в котором он предостерёг украинскую публику (а также сепаратистски настроенных лидеров в других республиках) против развала Советского Союза. Американцам нужен был сильный и ответственный партнёр в Евразии для построения более прочной и сбалансированной мировой системы, и они опасались, что под напором обострившихся внутренних проблем Советский Союз не сможет играть эту роль.

Б.Н. Ельцин в мемуарах упоминает о своём звонке Дж. Бушу из Беловежской пущи в декабре 1991 г., когда они совместно с президентом Украины Л. Кравчуком и председателем президиума Верховного Совета Белоруссии С. Шушкевичем составляли текст договора о создании СНГ, который должен был похоронить Советский Союз [1]. Он прекрасно понимал, что без хотя бы молчаливого согласия президента США его авантюра могла завершиться не очень успешно. Буш мог оказать влияние на нерешительного Горбачёва и вынудить того поступить (как это сделал С. Милошевич в Югославии) в соответствии с конституцией и требованием момента: железной рукой подавить мятеж и незамедлительно наказать заговорщиков по законам военного времени. Буш этого не сделал, и Ельцин понял, что у него развязаны руки.

Но развал Советского Союза изменил всю мировую ситуацию и отнюдь не в благоприятную сторону. Во-первых, США потеряли столь необходимого и важного партнёра, который мог бы стать со временем союзником. Во-вторых, на месте СССР появилось пятнадцать очень разных независимых государств, каждое из которых требовало внимания и тянуло в свою сторону. В-третьих, на авансцену вышла Россия как единственный претендент на место Советского Союза в Совете Безопасности ООН и на обладание ядерным оружием. В-четвёртых, не было никаких гарантий, что процесс распада СССР будет происходить исключительно мирным путём (уже начинались схватки в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, кровоточил конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха), а не последует югославскому сценарию. Всё это стало проблемой номер один для американской администрации, которая должна была сделать всё, чтобы не дать развернуться деструктивным и опасным процессам на бывшей территории СССР.

В этом плане понятно, что Вашингтон обратил особое внимание на Россию, как наиболее крупную и влиятельную страну из числа наследников СССР, к тому же объявившую о своей приверженности демократии и либеральной экономической реформе. Несмотря на то, что Российская Федерация не могла полностью заменить собой СССР, всё же и по своему потенциалу (военному, экономическому, демографическому, научно-техническому), и по своей миссии

она могла претендовать на особое место в регионе и на особое внимание со стороны Вашингтона. Соединённые Штаты тогда поддержали её претензии на советское место постоянного члена Совета Безопасности ООН и одобительно отнеслись к её планам свезти всё советское ядерное оружие из тех республик, где оно было размещено до распада СССР (Россия, Украина, Казахстан, Белоруссия), на свою территорию, предотвратив тем самым перспективу увеличения числа ядерных держав или утечки ядерного оружия. Уже несколько позже, при Клинтоне, в 1994 г., Соединённые Штаты даже взяли на себя миссию уговорить украинское руководство перестать препятствовать выводу с территории Украины ядерных средств Советского Союза на территорию России.

Надо отметить, что особое внимание в тот период в Соединённых Штатах уделяли позиции президента Б.Н. Ельцина и министра иностранных дел А.В. Козырева, которые прямо говорили о «демократическом выборе» России, о том, что Россия намерена провести соответствующие преобразования и войти в состав группы высокоразвитых демократических стран (и позднее в 1997 г. У. Клинтон в этой связи активно поддержал приём России в «восьмёрку» развитых стран), что она готова разделить участь других стран Восточной Европы в движении на Запад. Несмотря на то, что эти декларации порой звучали несколько поверхностно, они всё же ласкали слух американцев и подтверждали их убеждённость в своей «решительной победе» в борьбе с коммунизмом. Хотя надо признать, что с принятием каких-либо более конкретных мер (помощь, инвестиции, передача технологий и т.п.) Соединённые Штаты не торопились.

Безусловно, американцам трудно было поверить вчерашнему коммунисту и кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Н. Ельцину, что он полностью изменил свои взгляды и готов «учиться демократии». Тем более, что некоторые его поступки того времени, например расстрел Верховного Совета РФ в октябре 1993 г. или решение навести с помощью танков «конституционный порядок» в Чечне в декабре 1994 г., как-то мало согласовывались с тем, что американцы понимали под «демократией». Но они видели, что в России происходили какие-то глубинные изменения и понимали, что перед ними возникла возможность сделать Россию со временем своим младшим партнёром и союзником в глобальном военном балансе и в построении структуры глобальных масштабов, состоявшей из американского научно-технического и финансового потенциала и безграничных российских ресурсов.

В 1994–1995 г. наметился серьёзный сдвиг в российско-американских отношениях. Положение в области стратегического баланса было зафиксировано договором СНВ-2 1993 г. (подписан в январе с президентом Дж. Бушем до его ухода из Белого дома). Из числа оставшихся проблем наиболее остро стояла проблема всё ещё сохраняющегося военного присутствия России в Центральной Европе (главным образом, в Германии) и странах Балтии. Учитывая обеспокоенность своих союзников по НАТО по поводу нерешённости этой проблемы, Соединённые Штаты поторапливали Россию найти средства для вывода своих войск и завершить его в кратчайшие сроки. Хотя в принципе президент Ельцин мог возразить против попыток торопить его в этом вопросе, ссылаясь на большие материальные издержки (несмотря на готовность Германии взять

на себя часть расходов по эвакуации российских войск), и тем самым сохранить в своих руках ещё на какое-то время средства управления европейской безопасностью, и он и А.В. Козырев согласились на предложенные сроки и в течение лета 1994 г. российские войска были выведены из Германии и других европейских стран.

Понятно, что столь крупные перемены в состоянии безопасности в Европе требовали адекватной замены. В США и некоторых европейских странах развернулась бурная дискуссия по этому поводу. С одной стороны, появилась и довольно быстро окрепла группа тех политиков и специалистов, которые считали необходимым расширять НАТО (несмотря на неоднократные устные обещания руководителей США и ведущих европейских стран не «заполнять вакуум», оставшийся после вывода российских войск, структурами блока НАТО) и путём вхождения восточноевропейских стран в его состав. Эти настроения поддерживали влиятельные круги в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Но была и другая группа политиков и экспертов, которые справедливо указывали на ошибочность такого курса и его провокационный характер в отношении России. Они считали, что решение вопросов европейской безопасности должно было состоять в диалоге между Россией и НАТО и в их договорённостях о создании общего «зонтика безопасности» для Центральной и Восточной Европы.

Этот период неопределённости завершился в январе 1995 г. на заседании глав государств и правительств стран НАТО в Брюсселе. Там президент США У. Клинтон выступил с речью о «расширении» НАТО, сделав тем самым окончательный выбор между сотрудничеством с Россией и политикой её вытеснения из Восточной Европы. Позже некоторые члены его администрации говорили, будто на решение Клинтона оказали самое отрицательное воздействие сведения о начале операции российских войск по «восстановлению конституционного порядка» в Чечне с помощью авиации, бронетанковых частей и артиллерии. С такой страной, был убеждён Клинтон, никто не будет договариваться о совместной безопасности. Так это или нет, но результатом стало решение НАТО о приглашении Польши, Чехии и Венгрии вступить в состав блока, а Россию просто отодвинули от участия в решении проблем европейской безопасности.

Не все в России понимали, что это был первый и весьма серьёзный сигнал о том, что эпоха сотрудничества между Россией и Западом, прежде всего, США, начавшаяся при Горбачёве, подходит к концу. Трудно было поверить, что сделавший так много для завершения «холодной войны» и построения новой мировой системы Советский Союз, а также его наследница – Россия будут столь бесцеремонно отодвинуты в сторону в решении жизненно важных проблем. Были распространены надежды на то, что после завершения чеченской операции, когда в России вновь воцарится мир и будет продолжена работа по экономической реформе, Запад оценит значение России и ткань сотрудничества будет сохранена. Но в то же время наверху понимали, что ситуация меняется, и весьма существенно, и в привычном стиле начали искать виновных. В 1996 г. автор и защитник политики тесного сотрудничества с Западом

А.В. Козырев был отправлен в отставку, а на его место несколько неожиданно был назначен Е.М. Примаков.

Новый руководитель внешней политики России понимал всю важность продолжения сотрудничества с США. Но, в отличие от своего предшественника, он не пытался произвести впечатление на США новыми уступками. Сохраняя дружеский тон в отношениях с Западом, он вместе с тем поставил вопрос о растущей важности «евразийского сотрудничества», о создании своеобразной оси «Москва – Дели – Пекин», которая могла и должна была взять на себя формирование определённого порядка там, где возможности США были крайне ограничены – в Евразии. В конце концов, с точки зрения глобальной политики мир не сошёлся клином на евроатлантическом участке, где Россию решили потеснить, воспользовавшись её слабостью. Мир стал неизмеримо более объёмным, и в нём начали формироваться новые соотношения и балансы, потенциально способные сравниться с ролью Евроатлантики. Россия обладала достаточной гибкостью, чтобы, теряя какие-то позиции на Западе, наращивать свои активы на Юге и Востоке, где её границы соприкасаются с миром ислама, Китаем и Индией.

Ни Соединённым Штатам, ни их союзникам по НАТО практически нечего было противопоставить этому повороту во внешнеполитическом мышлении руководства России. И тогда, видимо, появилась мысль о военной акции в Европе, чтобы продемонстрировать Москве, что хозяином положения в этом районе мира становится единолично Вашингтон. То, что в качестве жертвы этого замысла была избрана Югославия, не должно удивлять. С одной стороны, югославский кризис представлял собой прекрасную возможность продемонстрировать жёсткость действий США, а с другой – нейтральная Югославия оставалась заметным препятствием на пути предполагаемого расширения НАТО на юг Восточной Европы, где границы блока должны были сомкнуться с границами Турции. Тогда весь регион северного и северо-восточного Средиземноморья от Испании до Турции, становился бы сплошным натовским пространством.

Большая игра и решение Е.М. Примакова

То, что после провала коммунистического эксперимента в Советском Союзе Россия вернётся на путь развития, пройденный в XIX–XX веках высокоразвитыми странами Запада, почти ни у кого не вызывало сомнений. США и их союзники продемонстрировали впечатляющие успехи в развитии экономики, справедливом распределении дохода, повышении жизненного уровня населения, развитии здравоохранения, науки и культуры. Оспаривать их безусловные успехи продолжают разве что самые упёртые сторонники догматического коммунизма или же фанатики из числа исламских экстремистов. Поэтому у России практически нет иного решения, кроме как модернизировать с помощью Запада свою экономику, вписаться в сложившийся мировой рынок, продолжать перестройку политического механизма и активно участвовать в мировой политике. Споры по этому поводу уже практически не ведут.

Но несколько неожиданно встала другая проблема: как решить эту задачу? На каких условиях Запад готов принять Россию в свою компанию и где будет её место в западном сообществе? Кто скажет последнее слово в решении этой задачи? Проблемы эти чрезвычайно сложны. Как показывает недавний опыт вхождения небольших и средних стран Центральной и Восточной Европы в структуры Запада – НАТО и Европейский Союз, присоединение этих стран вызывает серьёзные нарушения в деятельности интеграционных механизмов. Возникает, во-первых, проблема подготовки национальных институтов и механизмов «новичков» к сложившимся в НАТО и ЕС порядкам и процедурам. Во-вторых, приходится вносить изменения в сложившийся механизм разработки и принятия решений, чтобы избежать обвинений в «диктате» и «неуважении национальных особенностей». В-третьих, приходится пересматривать структуру расходов и финансирования прежних программ, чтобы не дать «новичкам» бесплатно пользоваться уже достигнутыми результатами. Наконец, приходится каким-то образом учитывать традиционные «фобии» новых членов, хотя они иногда мешают членам союза вести дела в своих интересах.

Последний момент особо важен для отношений между Россией и Западом. У некоторых стран Центральной и Восточной Европы, вошедших в структуру Запада, имеется свой «счёт» к России. Для стран Балтии это – пакт Молотова – Риббентропа, на основании которого было осуществлено силовое присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к Советскому Союзу в 1940 г. (непризнанное ни США, ни Великобританией, ни Францией). Для Польши это – исторический «счёт», начинающийся желанием отомстить за разделы Польши в XVIII веке, в которых Россия была одним из наиболее активных участников, памятью о кровавом подавлении русской армией неоднократных восстаний поляков в XIX веке; наконец, враждебностью 1920-х и 1930-х годов и бессудным расстрелом тысяч военнопленных поляков в 1940 г. в лагерях НКВД. Не забыли ни чехи, ни венгры танковых «вылазок» советского «старшего брата» в 1956 и 1968 гг. Короче, список этих претензий велик и только в редких случаях (Катынь) руководство России внятно и добровольно признало ответственность за дела и поступки своих предшественников – Российской империи и Советского Союза.

Для некоторых это – «малозначимые» факты истории, не играющие большой роли в современных условиях. Но для тех, кто более внимательно и профессионально относится к международным проблемам, ясно, что на этих чувствах миллионов людей играют правительства и политические партии, отдельные страны и военные союзы. Из этого рождается чудовищный образ России, страны, которая в своей предыдущей истории охотно играла роль «жандарма Европы» (ещё при Николае I), а в XX веке под управлением сталинского режима безжалостно уничтожала собственное дворянство, духовенство, зажиточное крестьянство, независимую интеллигенцию, командные кадры РККА. После Второй мировой войны режим установил злобный контроль над восточной половиной Европы и постоянно угрожал западу континента размещёнными в ГДР своими танковыми и механизированными армиями, обладающими ядерным оружием. Не забыть и о не очень понятной со стратегической точки зрения, но бессмысленно кровавой войне в Афганистане 1979–1988 годов.

Это, конечно же, формирует достаточно негативный эмоциональный климат вокруг проблемы места России в современном мире. С одной стороны, на весах её необъятные ресурсы, её позиция сохранения международной безопасности, её уникальная роль «мостика» между Европой и Азией, её миллионные жертвы в борьбе против немецкого фашизма. Всё это говорит о важности России и о необходимости вовлечения её в международные структуры и оптимизации её роли в работе механизмов мировой политики и мировой экономики. Но есть и другая сторона – кровавая история России в XX веке, её коммунистическое прошлое, которое до сих пор не забыто и остаётся в памяти миллионов; жёстокая «антитеррористическая операция» в Чечне, в результате которой погибли тысячи чеченцев. В этом плане даже война с Грузией в 2008 г. воспринимается за рубежом не как помощь населению Абхазии и Южной Осетии, а как продолжение традиционной колониальной политики русского царизма.

Из всего этого следует, что проблема вступления России в группу развитых стран евроатлантической зоны не имеет простых решений. В ней есть несколько компонентов, без учёта которых можно даже не обсуждать этой перспективы. Хотя ясно, что без решения проблем модернизации экономики и политического устройства России грозит возобновление процесса дезинтеграции, в котором исторический механизм формирования государства из земель, расположенных вокруг Москвы, будет развернут в обратную сторону. И тогда отпадут Сибирь, Северный Кавказ, Поволжье, Северо-Западная Русь. Останется Московское княжество времён Ивана III. Об этой возможности надо помнить всегда, сознавая, что это – не только бесславный конец великой державы, но и начало этапа острой борьбы на международной арене за «русское наследство» (по аналогии с борьбой за «испанское наследство» в начале XVIII века), которая может стать прологом к очередной мировой войне.

Этого в принципе никто не хочет – ни в России, ни на Западе, ни на Востоке. Но решение проблемы не в своеобразном «режиме капитуляций», который европейские державы ввели в Турции в начале XX века в качестве средства решения проблем, порождённых банкротством Османской империи, а в способности нынешнего режима в России использовать надлежащим образом огромные доходы от экспорта энергетических ресурсов для обновления страны и оздоровления её экономики и общества. И в осознании масштабов этой задачи «поворот над Атлантикой» Е.М. Примакова сыграл важную и заметную роль.

1. Он поставил точку на несколько наивных, хотя и популярных мечтах о том, что Запад с восторгом примет в свои объятия новую Россию, которая после этого заживет не хуже чем США. Эти надежды и ожидания пришлось сразу и бесповоротно похоронить (хотя иногда они и сегодня возникают в головах некоторых руководителей). Стало ясно, что и процесс возрождения России, и её вхождение в сложившиеся институты представляют собой сложную политическую и культурно-идеологическую задачу, которую никакие муляжи демократии и «потемкинские деревни» новых проектов олимпийских игр решить не могут. Россия должна на базе имеющегося мирового опыта (и изучением его систематически и последовательно занимается целое отделение РАН) разработать и построить свою собственную стратегию выхода из кризиса, причём не того,

который обрушился на неё в 2008 г. как следствие глобального финансового кризиса, а того, который породил Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г., острую борьбу невежества и произвола против просвещённости и законности в сталинскую эпоху, крах коммунистического эксперимента в СССР, а также нынешние неудачные поиски идентичности. Е.М. Примаков своим решением 23 марта 1999 г. ясно дал понять, что Россия должна самостоятельно решать эти проблемы и не откладывать их в долгий ящик.

2. Не вызывает сомнений, что без какой-то помощи со стороны Америки Россия не решит проблем своей модернизации. Разного рода скептикам и сторонникам концепции «Америка – враг» можно привести хотя бы несколько исторических примеров: во-первых, огромную помощь американских корпораций (на основе рекомендаций американского правительства) в создании современного промышленного производства России в 1930-х годах: самолётостроительной, тракторной, автомобильной отраслей промышленности; производство специальных сплавов и сельскохозяйственных машин («Ростсельмаш»), оборудование первых советских ГЭС и многое другое, без чего Россия так и осталась бы крестьянской страной. Далее: надо вспомнить огромную продовольственную помощь США России в 1921–1923 гг. и с конца 1960-х до конца 1980-х годов, которая помогла избежать угрозы голода при «развитом социализме». А главное, огромную неоценимую американскую помощь СССР в годы Второй мировой войны, без которой, возможно, Советский Союз и не добыл бы победу.

При всех этих факторах должно быть понятно, что и в современных условиях Соединённые Штаты пойдут на оказание всемерной помощи модернизации России, только если у них будут твёрдые гарантии, что окрепшая Россия не бросит вновь им вызов и не станет во главе враждебной группировки государств, типа Ирана, Венесуэлы, КНДР или Сирии. Пока такой гарантии нет, Соединённые Штаты будут делать всё, чтобы ограничить международные возможности России, создать препятствия на её пути к возрождению. Только получив гарантии будущего миролюбия (не показного, а истинного) России, США перестанут рассматривать её как возможного противника или же как источник неопределённости в международных отношениях. И в этом плане решение Е.М. Примакова оказалось крайне своевременным и уместным, потому что показало, что Россия не та страна, которая будет покорно воспринимать зигзаги американского поведения, но при этом она понимает всю важность сотрудничества с США. Необходимы серьёзные и длительные переговоры о перспективах отношений обеих стран на 10–15 лет.

3. Решение Е.М. Примакова оказалось весьма необходимым для самой России, для осознания её руководством необходимости стратегической паузы. Глубинные перемены в политическом строе и экономической жизнедеятельности страны не могли привести к немедленным преобразованиям. Слишком велика инерция. Оказались сильными пережитки сталинизма в России, прежде всего, сохраняющаяся карательная система (спецслужбы, полиция, прокуратура, зависимые суды), которая могущественна, влиятельна, способна подмять под себя не только свободное творчество интеллигенции, но и предпринимательский класс при всей его неоценимой важности для производительных сил страны. Огромная неконтролируемая коррупция, существующая в рамках этой

карательной системы, в сочетании с засильем бюрократии могут стать главным препятствием на пути выхода страны из национального кризиса. Пока эта проблема не будет решена существующим режимом (который и сам во многом связан с остатками старины), выходить на серьёзные и долгосрочные отношения с США бесперспективно. Это приведёт, скорее всего, к опасности нового конфликта, как это уже произошло в 2001–2008 гг., когда на горизонте замаячила угроза новой «холодной войны». Поступок Е.М. Примакова показал, что в постановке задач российско-американского сотрудничества спешить нельзя.

Наконец, последствия глобального масштаба. Ни для кого не секрет, что когда наступает кризис в отношениях двух великих держав (а решение Е.М. Примакова – прямое свидетельство этого кризиса), его последствия ощущаются во всех уголках мира. По-другому и не бывает. Решение прервать полёт и развернуть самолёт по-разному ощутили в разных уголках планеты. В Европе затаили дыхание, потому что опасались, что вдохновлённая поступком России Югославия окажет упорное сопротивление и заставит Запад пойти на сухопутную операцию, в которой у югославской армии было явное преимущество – боевой опыт, знание территории и опора на массы. Во многом это не произошло, потому что ревновавший Примакова президент Ельцин поручил совершенно неопытному в международных делах В.С. Черномырдину заняться югославским кризисом и тот благополучно сдал все позиции Западу. На Востоке внимательно следили за действиями России и убедились, что Соединённым Штатам можно противостоять и не бояться их могущества. Потом это помогло силам сопротивления в Афганистане, Ираке, всем остальным недругам США не бояться противостоять их военной мощи и не опасаться последствий. Китай увидел в действиях США просто блеф и запугивание, что не помешало китайским военным под этим предлогом во много раз увеличить требования к бюджету и поставить ряд амбициозных задач.

В последних работах Е.М. Примакова [4] заметно проходит следующая мысль. Когда держава уровня Соединённых Штатов идёт на применение военной силы, она должна быть готова к двум вариантам последствий. Если она добьётся успеха, у других стран, ощущающих свою близость с жертвой нападения, появляется мощный стимул к усилению собственной обороноспособности. Отсюда – рост военных расходов, развитие научно-технических программ, стремление заполучить ядерное оружие. Пример тому – Северная Корея и Иран. Очень часто в этой связи вместо эффекта запугивания потенциальных противников, военная акция создаёт эффект мобилизации их сил и решимости. Если же такая держава, как Соединённые Штаты, не добивается военного успеха (а это можно было наблюдать во Вьетнаме в 1963–1975 гг., в Ираке и в Афганистане на нынешнем этапе), у нее появляются другие проблемы: неуверенность в себе, утрата престижа, финансовые и людские потери, недовольство избирателей и т.д. Как ни поверни, военные акции за рубежом уже должны рассматриваться скорее как признак слабости и неконтролируемости процесса разработки и принятия решений, чем свидетельство силы и ума тех, кто принимает решения.

Напрасно руководители США в марте 1999 г. не прислушались к словам Е.М. Примакова. Ведь перед ними был не сделавший удачную карьеру бюрократ

или дорвавшийся до власти политик новой волны. Е.М. Примаков давно и хорошо известен в России и за рубежом. Он является одним из крупнейших отечественных и мировых экспертов в области международных отношений и исследований конфликтов. Его любимая тема – ближневосточный конфликт – лишний раз подчёркивает сложный характер и уровень его знаний и мышления, которые отнюдь не нацелены на поиски каких-то сиюминутных односторонних выгод, а, наоборот, помогают понять, насколько сложен современный мир и как непросто в нём решать проблемы. Он пытался дать полезный совет молодым по сравнению с ним американским политикам, но они его не услышали. Последствия этой глухоты испытал на себе уже преемник Клинтона на посту президента, Дж. Буш-младший, при котором российско-американские отношения в 2001–2008 гг. опустились до уровня замораживания. Сменивший Дж. Буша-мл. на посту президента в 2009 г. Б. Обама лучше понял масштаб потерь для мировых позиций США вследствие холодной и сдержанной позиции России. Его попытка изменить характер этих отношений, вернуться к точке, на которой отношения между Москвой и Вашингтоном повернули в сторону от сотрудничества к безразличию и холодности (что и получило название «перезагрузка»), имела определённый резонанс. Но это уже тема другой статьи.

Список литературы

1. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 1994. 154 с.
2. *Кременюк В.А.* Россия – США: первые уроки балканского кризиса 1999 г. // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 6. С. 5–15.
3. *Примаков Е.М.* Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2002. 2-е изд. 239 с.
4. *Примаков Е.М.* Мысли вслух. М.: Российская газета. 2011. 207 с.
5. *Черняев А.С.* Избранное. М.: Собрание, 2011. 560 с.